

Н. Н. <А. Д. НАГЛОВСКИЙ>

Троцкий

Впервые я встретил Троцкого в 1905 году в Петербурге на заседании Совета рабочих депутатов в Вольном экономическом обществе. Я был членом Совета от Путиловского завода. Троцкий же, как известно, был товарищем председателя. Надо сказать, что тогда Троцкий пользовался в революционных кругах Петербурга большой популярностью. Заслонив ничтожную фигуру официального председателя Совета, Хрусталева-Носаря, Троцкий вел тогда за собой весь Совет, а Совет вел питерский пролетариат.

Время горячее. Горяч был и Троцкий, эдакий «молодой Ласаль» на питерском фоне. Коньком его тогдашних речей была изобретенная им теория перманентной революции. С этой теорией он и выступал, зовя рабочих «от восстания к восстанию» и обещаая неминуемую окончательную победу.

Его выступления помню очень хорошо. Среднего роста, темный шатен, с громадной шевелюрой откинутых волос, большим лбом, острым носом Троцкий на трибуне как бы вырастал и казался высоким. Голос резко-металлический. Демагогический оратор он уже тогда был хороший, хотя речи его всегда, как говорили греки, «попахивали лампадным маслом»: — чувствовалось, что это не экспромты, а сопровождающиеся эффектными жестами и эффектными паузами тщательно разученные выступления.

По своей манере говорить Троцкий был полным антиподом Ленину. Ленин ходил по трибуне. Троцкий стоял. У Ленина не было никаких цветов красноречия. Троцкий ими засыпал публику. Ленин не слушал себя. Троцкий не только слушал, но, пожалуй, и любовался собой. В речах Ленина всегда было ясно, чего он хочет.

У Троцкого предельной ясности никогда не было; его речь всегда можно было несколько вывернуть: — и так и иначе.

Разница душевного строя этих несхожих между собой революционеров сказывалась тогда и в их деятельности в Петербурге. Большевик Ленин редко появлялся на массовых собраниях, он вел борьбу в своей партии, этот «крот» рыл «подземные ходы». Меньшевик Троцкий сразу бросился к «ослепительному» свету рампы, к публике, к аплодисментам. Тут было не только чрезмерное тщеславие, которым очень богат был Троцкий, но был и правильно выбранный плацдарм своей деятельности, ибо Троцкий был действителен только на толпе, «на миру», он должен был быть всегда «любимцем публики», хотя бы даже галерки. Успех Троцкого был всегда успехом актера. И в то время, как в Ленине во всем чувствовалась крайняя деловитость, в Троцком — неизменный треск фейерверка.

Разность этих людей оттенялась даже в одежде. Ленин всегда был одет «как попало». Троцкий одевался с некоторой тщательностью, ему вовсе было не все равно, как и какой повязать галстук.

Но тогда на революционном фоне Петербурга Троцкий был куда более приметен. Ленин вел только большевицкую партию, Троцкий же, через Совет, несомненно вел питерских рабочих. И удайся революция 1905 года, революционным вождем в Петербурге стал бы, конечно, Троцкий.

Но дело кончилось иначе: — письмом Троцкого к Витте¹, от которого, как известно, Витте пришел в бешенство и Троцкий был арестован. Невольно хочется сказать, что судьбы этих двух людей, Витте и Троцкого, впоследствии оказались очень схожи. Достигший власти Витте, в сущности, всегда оставался «чужим» среди придворных Зимнего дворца и кончил опалой. Во время революции достигший «высшей власти» Троцкий неизменно оставался «чужим» среди придворных Кремля, и всем известно, чем он кончил.

Приехавшего из Америки в 1917 году Троцкого я встречал в Таврическом дворце на заседаниях Совета рабочих депутатов. Суммируя впечатление от общений с ним и от его выступлений, скажу, что в отличие от всех социалистов, проводивших войну внутри России, Троцкий был отмечен некой «девственностью». Живший вдали от России, не переживавший войны, Троцкий как бы «законсервировался» на позициях 1905 года, и в то время

как внутри страны российские социалисты неминуемо отражали в себе все сомнения, колебания и тяжелые переживания народа, Троцкий в этом отношении был «девственен». Для него ничего этого не существовало, и задумываться Троцкому не приходилось, у него имелась всё разрешающая теория «перманентной революции»: — японская война, 1905-й год — первый удар; мировая война, 1917-й год — второй удар. И Троцкий выскочил на русскую землю эдаким туристом — «прямо с корабля на бал».

В противоположность Ленину внешне Троцкий за эти годы не сильно изменился. Казался очень бодрым и «полным сил». Да ему и было всего 38 лет.

Возвестив о совпадении своих позиций с позициями Ленина, Троцкий пошел вместе с ним в атаку на Временное правительство, но и теперь, соответственно характерам, распределялись их роли. Приманивая массы на «червя большевизма», Ленин, как свинцовый груз, тянул леску вглубь, а поплавок-Троцкий моментально поплыл по поверхности. Новый свет рампы, речи, аплодисменты, интервью — словом, те же подмостки Совета рабочих депутатов, только тут уж приходилось из задних рядов протискиваться в завоеватели Совета. В этом и есть заслуга Троцкого перед большевизмом: — демагогией своих речей он завоевал большевизму Совет (хотя это было и не особенно трудно)².

Не будет преувеличением сказать, что и в 1917 году в массах Троцкий был известнее и популярнее Ленина. Но то, что было незаметно для зрителя извне, было очевидно всякому более-менее крупному партийцу: — как только Троцкий менял роль «поплавка» и уходил вглубь большевицкой партии, он неизменно в ее теле оказывался «чужероден».

Вражда к Троцкому главных партийных деятелей вовсе не родилась в 1924 году по смерти Ленина. Тогда она только «пришла в действие». Жила же она и не скрывалась все время с 1917 года. Положение Троцкого в партии было всегда как бы положением «кандидата в большевики», а не большевика.

С 1917 года по 1920-й мне часто приходилось встречаться и с Троцким и с его противниками и могу засвидетельствовать, что крайняя неприязненность к нему Зиновьева, Крестинского, Сталина, Стучки, Дзержинского, Стасовой, Крыленко и многих других правоверных ленинцев существовала всегда и редко чем-нибудь прикрывалась. Все эти люди только «терпели» Троцкого

потому, что он был нужен большевицкой революции и потому, что Ильич заключил с ним некое «джентльменское соглашение». Эта владычная рука Ленина, поддерживающая Троцкого под спину, всегда была ощутима, и без этой руки падение Троцкого могло быть ежедневным.

Отказ в кредите Троцкому и недоверие к нему происходили от следующих причин. Во-первых, Троцкий действительно был многолетним меньшевиком. Правда, он занимал всегда более выгодную его натуре межеумочную позицию, плавая по социал-демократическим водам заманчивым поплавком «перманентной революции» и не идя ни под Ленина, ни под Мартова, ни тем более под Плеханова с Потресовым. Но вот именно поэтому со стороны таких совершенно нетерпимых, узко-большевицких мозгов, какими обладали и обладают твердокаменные ленинцы, Троцкий и был всего только «сменовеховцем». Кредит измерялся подпольным стажем и заслугами. У Троцкого ничего этого не было. К тому ж психологически Троцкий и ленинцы были разны. Это чувствовала головка партии, и это тоже против Троцкого вызвало раздражение.

Чтобы быть объективным, надо сказать, что Троцкий интеллектуально был выше ленинцев на голову, хотя это и не Бог весть уж какой комплимент, ибо интеллектуальные силы ленинизма были всегда чрезвычайно убоги. Но умственное и культурное превосходство, эта бывалость и просвещенность, при невероятно-эгоцентрическом характере и надменности Троцкого, при его жажде «наполеонства», сквозившей во всем, в манере, речи, полемике, вызывали естественное озлобление у головки ленинцев. А у некоторых, как у Зиновьева и у Сталина, это чувство переходило в буквальную ненависть.

В рамки большевицкой организации Троцкий не вкладывался, он, как резиновый чертик, неизменно из нее выпрыгивал. Стать «нечужеродным», «своим» мешали болезненное честолюбие, сознание, что если он и не Ленин, то почти Ленин. А я думаю, что наедине Троцкий ценил себя куда выше Ленина!

После октябрьского переворота я видел Троцкого в роли наркоминдела. Тут мне казалось, что на короткое время о Троцком в партии как-то забыли. Дали наркоминдел, «делай, мол, там что хочешь!» И в самом Троцком на короткое время проснулся, пожалуй, больше журналист, чем «министр». Он бросился в се-

кретные архивы, ими зачитываясь, пища ноты и лозунги, дал волю своей революционной фантазии. На первой же министерской должности Троцкий стал приближать к себе специалистов. В противоположность Ленину, у которого «партиец все мог понимать и все делать», Троцкий искал и брал людей дела, как, например, племянника бывшего военного министра Поливанова³, сына быв [шего] министра Муравьева и других. Троцкий хотел быть окружен «настоящим министерством», настоящими чиновниками, а не большевицкими импровизаторами, к которым в ответ на недоверие относился с презрением.

Но фантазии Троцкого в роли революционного дипломата революционной страны кончились... Брестом. На этом его дипломатическая карьера оборвалась, и Ленин назначил Троцкого наркомвоенном.

Этому шумному назначению Троцкого предшествовало не лишнее интереса и в литературе неосвященное событие. В марте 1918 года, когда совнарком переезжал из Петербурга в Москву, Ленин заявил в Смольном, что хочет оставить Троцкого в Петрограде главой питерского совнаркома, а Зиновьева взять с собой в Москву.

Вопрос этот обсуждался на собрании актива петербургских большевиков, где вызвал взрыв возражений, демонстрировавших открытый отказ в кредите Троцкому со стороны ведущей головки большевизма. Из питерских большевиков Троцкого не поддержал никто, тогда как кандидатура Зиновьева в председатели петербургского совнаркома выставлялась как самоочевидная. И Ленин с этим вынужден был согласиться.

В результате в марте 1918 года Зиновьев взял Петроград своей вотчиной, а Троцкий стал наркомвоенном. С Зиновьевым в 1918–19 гг. я виделся почти ежедневно. Отношение его к Троцкому было самое отвратительное, причем и Троцкий платил Зиновьеву той же монетой.

Причина этой обоюдной ненависти была ясна. Зиновьев требовал себе как раз ту самую роль, на которую претендовал Троцкий, — дублера Ленина. И чистокровный большевик, старый наперник Ленина, Зиновьев пытался всеми силами отпихнуть Троцкого от попытки дублировать Ильича. Троцкий, разумеется, не оставался в долгу. В своей драке они забыли только о Сталине, который одинаково ненавидел их обоих.

В 1918–19 гг. взаимная враждебность Зиновьева и Троцкого не оставалась только в сердцах двух вельмож, борьба их явственно реализовалась и в жизни. В то время как Троцкий начал организовывать военное ведомство, подбирая опять-таки «настоящих военных», генералов, полковников и комиссаров, долженствующих быть ему преданными, Зиновьев не желал выпускать из рук военную организацию Петрограда. Игра Зиновьева опиралась на то, что «полубольшевик» Троцкий подбирает людей политически ненадежных, в то время как Зиновьев создаст надежную организацию.

Парируя эту игру, Троцкий в 1918 году стал привлекать к себе чекистов, организовав при себе чекистский отряд во главе с Павлуновским⁴. Привлек он к себе и видного чекиста Берзина. Из этого чекистско-коммунистического аппарата впоследствии и выросла, в сущности, оппозиция троцкистов⁵. Тогда же, в ведомственной борьбе Троцкого (с Зиновьевым в Петербурге, со Сталиным в центре, с Ворошиловым на юге), этот аппарат играл большую роль, спасая часто положение Троцкого и подерживая его у власти.

Троцкий был властолюбив и тщеславен, подчас даже мелочно. В психологии его было что-то от нувориша. Так, помню приезд его в Петроград весной 1919 года. Из Москвы в Петроград Ленин обычно ездил в купе 1-го класса. Троцкий — в комфортабельном поезде. В этот приезд я был вызван к нему на Николаевский вокзал. На Николаевском вокзале — поезд из вагонов бывших царских поездов, оборудованный по последнему слову комфорта, тут и типография, и отдельный вагон для свиты, и первоклассная кухня, и ванны, словом, «царский» поезд. Чтоб дойти до поезда, мне пришлось пройти сквозь две цепи солдат. В поезде меня принял адъютант, бывший царский офицер, который и доложил обо мне наркомвоенту. Троцкий принял меня в салон-вагоне, сидя за столом. Следов бывшего «молодого Лассалья» в Троцком тогда уже не было. Необыкновенная надменность человека, привыкшего к безграничной власти, — вот каков был тон Троцкого. Его окружение из офицеров перед ним держалось необычайно подтянуто. Ни перед Лениным, ни перед Зиновьевым никто бы так не стоял. Тут пахло настоящим аракчеевским фрунтом.

Пока я ждал, Троцкий тут же принимал какой-то доклад, высокомерным тоном министра задавая вопросы, и как только

ответы ему казались неудовлетворительными, он тут же обращался к секретарю, говоря коротко:

— Запишите, что было сейчас сказано!

Иногда такие записи означали вызов Павлуновского и расстрел на месте. Это был стиль Троцкого.

В небрежном постукивании карандашом по столу, во взгляде свысока, в позе нога на ногу, в повелительном обращении со своим окружением из бывших офицеров, во всем у Троцкого чувствовалось, что этот человек упивается властью. Царские поезда, свита, помпа, расстрелы, — в Троцком очень даже теплился «стиль Бонапарта». Но в то время, как извне, иностранцам, белым армиям, обывателям Троцкий казался необычайно властным, на самом деле властность Троцкого, наталкиваясь на партийный аппарат, вглубь не шла. Ленинцы только давали Троцкому резвиться. Победно воевавшему на фронтах Троцкому приходилось жестоко отгрызаться внутри партии, где его хватили за икры со всех сторон.

Именно благодаря этому Троцкий и создавал вокруг своего поезда «государство в государстве», подбирая и обласкивая нужных ему людей, хотя, надо сказать, что критические моменты Гражданской войны иногда выносили Троцкого наверх и с этого верха Троцкий презрительно тыкал сапогом Зиновьева и его товарищей.

Таким моментом для Троцкого было наступление генерала Юденича на Петроград. Эти мрачные, страшные дни конца октября 1919 года заслуживали бы отдельных воспоминаний. Юденич под Петроградом, занял Царское, подошел к Пулковской горке и угрожает Тосно и Ораниенбауму. Головка питерских большевиков переживала подлинную панику. Красные войска разбегались куда глаза глядят. Зиновьев, панически трусливый в моменты опасности, теперь только и делал, что по прямому проводу требовал из Москвы директив по эвакуации Петрограда, заявляя, что «держаться больше не может!»

Попытки организовать наскоро сбитые рабочие дружины ни к чему не привели, под нажимом Юденича подступы к столице обнажались и с часу на час ожидалось занятие города белыми. Предавшийся панике Зиновьев почему-то еще был убежден, что и Финляндия выступит против Петрограда. Вот в этот-то момент, когда в Смольном Зиновьев собрал всех петербургских наркомов и истерически кричал: — «Вы все останетесь тут! Хоть три дня! Я никуда никого отсюда не выпущу!» — из Москвы сообщили,

что в Петербург выехал Троцкий. Для Зиновьева — конфуз. Для Троцкого — триумф, кратковременный, но несомненный.

Троцкий приехал в Петроград поздно вечером⁶. С той же помпой пришли два царских поезда. С Троцким — большая свита двух сортов, военные во главе с генералом Надежным и чекисты во главе с Павлуновским. Окруженный этой свитой, Троцкий с вокзала проехал прямо в Смольный и вошел в кабинет Зиновьева (прежний кабинет Ленина), где вокруг Зиновьева собрались питерские комиссары. С места в карьер, обращаясь к Зиновьеву, Троцкий проговорил:

— Здравствуйте, товарищ Зиновьев! На ваш запрос об эвакуации заявляю, что Петроград сдан не будет! Я приехал от Совнаркома с неограниченными полномочиями. А за сим — созовите собрание партийного актива Петрограда!

И когда Зиновьев еще не успел произнести слова, Троцкий повернулся к Павлуновскому и резко-металлически, с резонансом, рассчитанным на всех присутствующих, проговорил:

— Товарищ Павлуновский, приказываю немедленно арестовать и расстрелять весь штаб защиты Петрограда! А вам, — обратился он к генералу Надежному⁷, — немедленно принять на себя командование 7-й армией и организацию штаба защиты!

Минута — «бонапартовская». При полном молчании Надежный и Павлуновский, окруженные помощниками, вышли из кабинета. В эту же ночь Павлуновский расстрелял совершенно ни в чем неповинный штаб защиты Петрограда во главе с бывшим офицером Генерального штаба Линденквистом⁸. Защита перешла в руки генерала Надежного. А расстрелы — к чекисту Павлуновскому, этому обер-палачу при Троцком, вызывавшему во всяком человеке бесконечное отвращение: — высокий, худой, с жуткими глазами убийцы, одетый в «лихую» кавалерийскую шинель до пят, с рукой на перевязи, Павлуновский со своим отрядом по мановению руки Льва Давыдовича расстреливал бесчисленное количество людей.

Когда Павлуновский и Надежный вышли и в кабинете остались Зиновьев и человек пять питерских комиссаров, Троцкий сразу же как-то «размяк». «Железный жест» был сделан, и в ожидании нового жеста на собрании петербургского актива Троцкий похаживал по большому кабинету Зиновьева, подшучивал над тем, что «Зиновьев, кажется, осунулся», брал с полки книги, перелистывал, читал наугад какие-то цитаты и по поводу их острил, потом

снова клал книгу на полку и снова подшучивал над Зиновьевым и над телефоном с громкоговорителем, стоявшим у него на столе. На эти остроты Зиновьев реагировал слабо. В это время, по приказу Троцкого, происходила смена всей охраны Смольного. Прежнюю охрану сменили приехавшие с Троцким какие-то такие морды, что на них смотреть было жутко. Эта смена, вероятно, должна была подчеркнуть окончательную победу Троцкого над Зиновьевым: не оставалось камня на камне.

Когда в зале Смольного собрался актив петербургских большевиков (это было красочное, «историческое» заседание, занятия Петрограда белыми ждали с минуты на минуту), — Троцкий выступил с речью. Тут снова из посмеивающегося журналиста Троцкий превращался в «железного вождя». Гремела речь о постыдности поведения коммунистов, о психологии дезертирства, о беспощадности мер, которые он примет, всем и всему Троцкий грозил расстрелом.

Ночь в Смольном прошла в лихорадочной работе. Сюда привезли арестованный штаб бригады, действовавший под Ораниенбаумом. Этой же ночью Троцкий в сопровождении генерала Надежного выехал на фронт, а в Смольный из Москвы приехал Красин⁹, на которого было возложено поручение в случае сдачи Петрограда подготовить приведение петербургских заводов в полную негодность. Этим Красин и занялся.

На утро я застал Троцкого в Смольном. Обсуждался вопрос о переброске на фронт подходивших из Москвы и с Мурманского фронта подкреплений. Троцкий стоял посередине кабинета Зиновьева, у двери — двое чекистов, Павлуновский в своей кавалерийской шинели и начальник особого отдела петроградской ЧК Комаров. За столом секретарь Троцкого с неизменным блокнотом, а перед Троцким — перепуганный начальник военных сообщений Петрограда Араратов.

— Сколько времени нужно, чтобы перебросить войска с Финляндского вокзала на Балтийский? — кричал Троцкий Араратову.

— 24 часа, по-моему.

— Что?! Саботаж! Запишите сказанное! — кричит Троцкий и тут же Павлуновскому: — Арестовать!

Павлуновский и Комаров уже двинулись к потерявшему всякое присутствие духа Араратову, и если бы за него не вступились все присутствовавшие, Араратов был бы немедленно расстрелян, как было уже расстреляно множество людей. Троцкому объяснили,

что перебрасывать войска по железной дороге с вокзала на вокзал не нужно, гораздо быстрее войска пройдут в пешем строю.

В этот день под руководством Троцкого Петроград спешно делился на три зоны, из которых две могли быть сданы, а третья должна была защищаться до последнего. В деле обороны Петрограда Троцкий, конечно, сыграл роль, но все же чудес не бывает, и Троцкий ничего бы не сделал, если бы ему не помог... сам генерал Юденич.

Уверенность в том, что если Юденич будет продолжать наступление, то город будет взят, была абсолютна, а сдача Петрограда грозила самыми серьезными последствиями и для центральной власти. Но генерал Юденич в это время три дня простоял перед беззащитным Петроградом в полном бездействии. Бездействие генерала Юденича было непонятно. Оно и создало триумф Троцкого: — в течение этих трех дней все время подходили красные подкрепления.

Под Петроград были переброшены уже довольно значительные части, и для подъема духа войск Троцкий сам выехал на автомобиле в Гатчину. Я сопровождал его. Это был решительный момент, когда красные перешли в наступление, а белые дрогнули.

О Троцком коммунисты-военные частенько говорили как о человеке трусливом. Придерживаясь объективности, должен сказать, что в Гатчине Троцкий держал себя вполне соответственно своей роли. Может быть, у него и дрожали поджилки, когда автомобиль под обстрелом белых влетел в еще не занятую Гатчину. Но трусости Троцкий не проявил. Напротив, несмотря на предостережения окружающих, он вылез из автомобиля, шел под обстрелом, вообще все было именно так, как подобает «полководцу».

Об энтузиазме красных войск при защите Петрограда говорить, конечно, не приходится. Этот энтузиазм создали чекистские и курсантские отряды, шедшие с пулеметами сзади войск, расстреливая на месте всех дрогнувших или пытавшихся дезертировать.

В Гражданской войне защита Петрограда была моментом большого ведомственного успеха Троцкого и поражения Зиновьева. Но насколько Троцкий был непопулярен в партии, показывает хотя бы тот факт, что, несмотря на такие «головокружительные» заслуги, он уже в следующем году под давлением головки партийцев ушел с поста наркомвоена и стал народным комиссаром путей сообщения¹⁰.

Тут, в Москве, на Ново-Басманной, в здании НКПС, я не раз видел Троцкого. Привыкший ко всему «военному», он и тут действовал на военный манер: — часовые в коридорах, часовые у кабинета.

В мае 1920 года я был вызван Троцким по поводу назначения на работу по железнодорожному ведомству. Разговор ничем особым примечателен не был. Но от этого визита осталось ощущение, что снятый с поста наркомвоена Троцкий уже на ущербе, затерт и поражен ленинцами.

Изменился и вид Троцкого, он сильно постарел, лицо бледно-желтое, пробилась сильная седина, было ясно, что сивку укатывали крутые горки. Популярностью на посту наркома путей сообщения Троцкий не пользовался. Видные коммунисты- железнодорожники, как всегда, считали его не своим, а спецы и низший технический персонал ненавидели за вводимые дикие террористические методы, за военизацию железных дорог. На железных дорогах Троцкий ввел подлинную аракчеевщину. Его чекисты, перешедшие сюда вместе с ним из военного ведомства, в смысле бессудных расстрелов творили нечто неопишное. Военизация приводила к невероятному самодурству местных властей. Но в роли наркома путей сообщения Троцкий уже явно пел свою лебединую песню. Он падал медленно, но верно. Подпорка, в виде руки больного Ленина, уже ослабела, а самостоятельной силы удержать власть не было.

В то время как за Лениным стояла вся партия, за Дзержинским вся ВЧК, за Сталиным сильная часть партии и даже за Зиновьевым в Петербурге была довольно крепкая группа лично ему преданных «зиновьевцев», за Троцким была пустота. Дара водительства у Троцкого не было.

В недрах большевиков Троцкий не свой, у него нет ни друзей, ни последователей. В массах, где когда-то Троцкий имел популярность, он ее сам давно потопил в крови расстрелов. В партии за Троцкого была лишь часть интеллигенции и одиночные военные, лично им выдвинутые, да группа чекистов, подобных Павлуновскому. Чтобы сыграть роль, этих сил было слишком мало. И в итоге оказалось, что все свои рулады Троцкий пропел соло, с закрытыми глазами, как глухарь на току.

Так, пролетев по большевицкому небу фейерверочной ракетой, с шумом, треском, пальбой, Троцкий все снижался и потухал. Наконец, перелетев границы России, ракета с шипением упала в воды у Принцевых островов и потухла.

